

ное окно прихожей, занесенное, залепленное свежим белым снегом, и весь этот вьюжный, бледный свет, разлитый в доме» (5, 178). Двуединство жизни и смерти — это *все*, поэтому точка их встречи так органично разворачивается в безграничное бытие, вовлекая человеческую душу и интерьер, блаженную тяжесть плоти и тонкую светозарность пейзажа. Смерть в этом рассказе — это и не синоним ужаса неотвратимого конца и не то, что обостряет чувство жизни. Смерть наличествует в мире не как начало, подчиненное жизни и призванное оттенить те или иные ее грани: напомнить либо о ее ценности, либо, напротив, о ее тщете. Нет, она жизни не подчинена, но она с жизнью нерасторжима и с жизнью равноправна: без смерти, как и без жизни, нет полноты бытия.

Однако эта полная нерасторжимость и полное равноправие достигаются Буниным не всегда. Всегда неизменна нерасторжимость, но часто нарушается равноправие. То великое недоумение, которое она вызывает, составляет пафос рассказа «Огонь пожирающий». Внезапно умирает молодая цветущая женщина, почему-то незадолго до этого завещавшая себя кремировать. Рассказ строится на резком контрасте жизни и смерти. Образ и той и другой чрезвычайно чувственно конкретен. Вот жизнь: «Как памятны мне ее блестящие ореховые волосы, ее открытый и приветливый взгляд, чистый звук голоса, благородство рук и ног, казавшихся особо пленительными при ее крупном сложении, и даже ее любимая накидка из гранатового бархата, отороченная соболем!» (5, 111). Вот смерть: «И те прозрачно-розовые инде горящие ярко-синим огоньком известковые бугры и возвышенности, что были на этом прямоугольнике, это и были скудные останки нашего друга, всего ее божественного тела» (5, 116).

Острые контрасты составляют самую суть бытия. Они не только лежат в основе сюжета, но определяют и весь образный строй рассказа, насыщенный многочисленными оксюморонными микрообразами: «В открытое окно входила весенняя свежесть и глядела верхушка старого черного дерева, широко раскинувшего узор своей мелкой изумрудно-яркой зелени, особенно прелестной в силу противоположности с черной сетью сучьев» (5, 113). В этом рассказе акцент стоит на том, что сам феномен смерти *непостижим*.

То же великое недоумение, что потрясает условного повествователя, сопровождает Бунина смолоду до глубокой старости. «На хуторе» (1882): «Как же это так? (...) Будет все по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу — меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдет — я никогда не появлюсь на свете, никогда я не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?» (2, 34). «Белая лошадь» (1908): «Но ведь вздор и полное исчезновение. Зачем родился? Зачем рос, любил, страдал, восхищался? Зачем так жадно думал о Боге, о смерти, о жизни?» (2, 314). «Дневники»: «Лежу, читаю, порой смотрю в солнечные окна и думаю, — о том своем Я, которое живет и сознает себя уже лет 60 — и это Я думает, что лет через 5, много через 10, его не будет. И не будет оно ничего видеть и думать. Странно!»;¹¹ «Никогда! Все это будет существовать во веки веков, а для меня все это кончено *навсегда*. Непостижимо»;¹² «А у меня все одно, одно в глубине души: тысячу лет вот так же будут сиять эти дни, а меня не будет. Вот-вот не будет»;¹³ «Я был умен и еще умен, талантлив, непостижим чем-то божественным, что есть моя жизнь, своей индиви-

¹¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 456.

¹² Там же. С. 459.

¹³ Там же. С. 466.